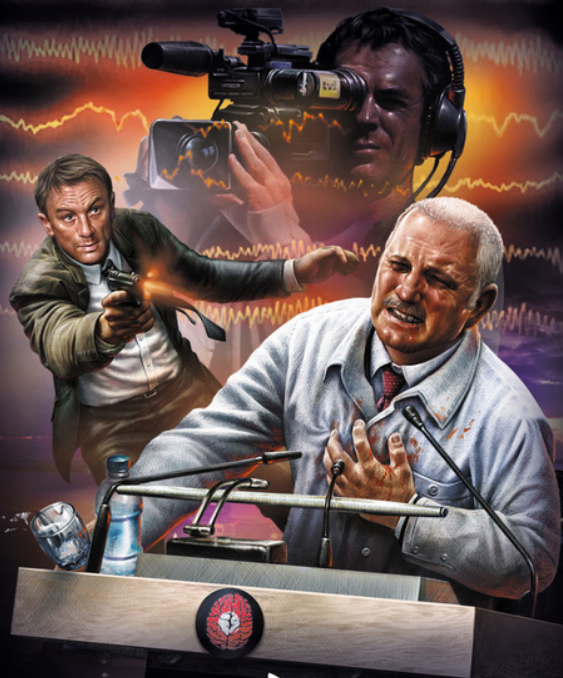

Евгений СУХОВ

УБОЙНЫЙ РЕПОРТАЖ

ЭКСМО

Евгений Евгеньевич Сухов
Убойный репортаж
Серия «Расследования
криминального репортера», книга 8

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8110578
Убойный репортаж / Евгений Сухов: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-73165-7

Аннотация

Научная конференция в НИИ неврологии обернулась трагедией: на глазах у многочисленной аудитории умер главный докладчик – профессор Фокин. Тело научного сотрудника было в срочном порядке доставлено в центр судебно-медицинской экспертизы, где выяснилось, что Фокин был убит – отравлен сильнодействующим ядом. Смертью видного ученого заинтересовалось руководство одного из столичных телеканалов. Криминальному репортеру Аристарху Русакову поручается провести журналистское расследование и выяснить, кому была выгодна смерть Фокина. Русаков с азартом берется за дело и вскоре приходит к выводу, что убийство, возможно, совершила бывшая жена профессора...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Евгений Сухов

Убойный репортаж

© Сухов Е., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Я – герой, или Новое задание шефа

Вот они, «медные трубы», дождался наконец! Жаль, что моего триумфа не видит моя бывшая жена. Может, позволить ей да рассказать?.. Я уже было потянулся к трубке телефона, внутренне торжествуя, но потом передумал. Пожалуй, не стоит. Хуже того, не поймет, а еще и на смех поднимет. Она это умеет... Так и скажет: «Герой – штаны с дырой!»

После пятого, завершающего, выпуска передачи «Кто убил Санина?» я ходил героем. Вернее, в героях, поскольку, изобличая преступницу, Наталью Кудашеву, рисковал жизнью в прямом смысле этого слова, и все это было зафиксировано на видео, как репортаж с места событий или даже как оперативная съемка. Я выступил своеобразной «наживкой», и преступница клюнула на нее. Да, Наталья вполне могла убить и меня, как убила известного актера Игоря Санина, расчищая этим дорогу своему возлюбленному, актеру Антону Путятину, бывшему постоянно на вторых ролях. Если бы не оперативники, я бы пополнил список убиенных ею людей, куда, помимо Санина, входили алкаш Петруха Самохин и парень с неизвестным мне именем, которого она наняла, чтобы убить Самохина.

Звонков в редакцию программы «Кто убил Санина?» при-

ходило уйма. Это говорило о том, что наш телеканал «Авокадо» москвичи смотрят, причем смотрят не десятки или сотни людей, а десятки тысяч и даже сотни тысяч. Рейтинг канала после завершения этой программы взлетел едва ли не до небес, чем наш шеф был весьма доволен. Он даже выписал мне премию и разрешил отдохнуть пару деньков. Отпуск пролетел в полное мое удовольствие, где было и бесцельное валяние на диване с книжкой в руках, и выезд на шашлыки с милыми дамами, и шатание по ночному городу, и посещение приятелей, с которыми не виделся длительное время. Даже как-то странно, что все эти запланированные и незапланированные мероприятия уместились в столь короткий отрезок времени. А затем шеф вызвал меня к себе, чтобы дать новое задание, о чем я был предупрежден его секретаршей.

Начал он издали...

Мило улыбаясь, спросил, как я себя чувствую. Наверняка моя слегка помятая физиономия навела его на какие-то невеселые размышления (могу же я, в самом деле, слегка расслабиться во время отпуска!). Я поблагодарил за предоставленный отдых, ответил, что чувствую себя вполне нормально и готов немедленно приступить к исполнению своих репортерских обязанностей. Слово «репортерских» я употреблял чаще, нежели «корреспондентских», поскольку имела у меня такая привычка еще со времен моей работы в газете «Московский репортер», прикрытой в 2008 году из-за скандально-сенсационной публикации о возможном разводе

с супругой одного очень крупного фигуранта в российской политике. Сначала урезали финансирование газеты. Газета держалась, сократив число сотрудников и зарплаты. Потом властная рука сверху дала новую отмашку, и с газетой перестали сотрудничать рекламодатели. Она продолжала держаться, но дала заметный крен, превратившись из ежедневной в еженедельную.

Тогда последовала новая отмашка сверху, и киоски Москвы вдруг разом просто перестали брать газету на реализацию под тем предлогом, что «Московский репортер» не рентабелен. Подписчиков было недостаточно, чтобы держаться на плаву, тиражи стали зависать, накапливаться на складах, приносить убыток. А убыточная газета никому не нужна. И в августе две тысячи восьмого года холдинг «Национальная медиакомпания» приостановил выпуск означенной газеты «ввиду явной убыточности». Слово «приостановил» в действительности означало «закрыл». После чего мне подфартило, что в моей журналистской карьере случалось крайне редко, – я устроился телевизионным журналистом на телеканал «Авокадо». Через несколько лет после этой публикации фигурант российской политики и правда развелся с женой, заявив во всеуслышание, что это решение «принято обеими сторонами вполне добровольно». Но газета «Московский репортер» реанимации не подлежала, несмотря на попытки бывшего главного редактора ее хоть как-то воскресить. А все потому, что подобные несанкционированные де-

марши СМИ в сторону правящей головки не прощаются.

В «Московском репортере» я привык говорить вместо «корреспондент» «репортер», на что наш шеф, кажется, не обращал особого внимания. Ибо привычка есть вторая натура. И если работодателя устраивает натура исполнителя, то ему поневоле приходится мириться и с некоторыми его привычками.

Моя расхристанная натура, похоже, шефа всецело устраивала. Особенно после двух программ, которые я вел в минувшие месяцы: «Последнее желание» и, главное, «Кто убил Санина?» В них я предстал во всей своей красе вдумчивого и удачливого репортера. А после программы «Кто убил Санина?», в съемках которой я «без дураков» рисковал жизнью, если я и не стал «лицом канала», то ведущим и самым популярным телерепортером сделался точно...

Словом, я ответил шефу, что готов незамедлительно приступить к своим обязанностям.

Тогда шеф мудро стал разглагольствовать о поднятой «планке». Дескать, я сумел поднять планку интереса передач канала на весьма высокую высоту, и теперь стоит «труднейшая» (одно из любимых словечек шефа) задача удержаться, а то и протолкнуть по возможности ее повыше.

– Надо толкать и толкать эту планку, – назидательно сказал шеф, глядя мне прямо в глаза, и, похоже, пытался внед- рить эту доктрину в самые глубины моего мозга, о которых я сам не подозревал, чтобы мысль «поднять планку» свербила

меня подспудно и изъедала изнутри всякий раз, как только я брался бы за какое-либо дело, связанное с каналом «Авокадо». Хитрый он, наш шеф. Правда, не в самом худшем смысле этого слова. – Ты должен быть как штангист на помосте, который всякий раз идет на установление мирового рекогда. – Шеф любил завернуть что-нибудь эдакое! – Поскольку, если мы сделаем наши передачи менее интересными, нежели были предыдущие, то этим обманем ожидания нашего искушенного зрителя. Он попросту отвернется от нас и переключится на другой канал, чего допустить нельзя ни в коем случае...

– Я вас понял, Гаврила Спиридонович, – ответил я так, как он и ожидал от меня.

– Хорошо. – В голосе шефа послышалось удовлетворение. – Пару дней назад я говорил о новом задании. Ты готов?

– Готов, шеф! – ответил я бодро.

– Хорошо, – повторил он. – Это будет новый цикл передач. Его название – «Корень зла». Каково, а!

– Ого! – Я придал взгляду восхищение, что, в общем, удалось мне без труда: шеф всегда умел придумывать броские названия своим новым программам. – Звучит!

– Ты знаешь что-нибудь об Институте неврологии имени Божевникова при МГУ?

– Абсолютно ничего не знаю, шеф.

– Придется узнать. Все, что можно и нельзя, – произнес он безапелляционным и слегка разочарованным голосом.

– С целью? – спросил я.

– С целью посещения одной научной конференции, куда ты будешь аккредитован, – сказал шеф. И добавил: – Мою заявку на тебя и Степу уже утвердили.

– Хотелось бы знать цель нашей новой программы, шеф, – задал я резонный вопрос, давая понять всем своим видом, что уже всецело погружен в рабочий процесс. – На что делать упор: на философию добра и зла, научные достижения и перспективы или на паскудную человеческую сущность, которая никак не может обойтись без делания злых дел?

– На все! – отрезал шеф. Кажется, он и сам пока точно не знал, чего хочет от новой программы. – Мне известно только, что конференция эта будет посвящена работе главного научного отдела института, занимающегося исследованиями мозга. Что-то о воздействии электромагнитных или просто магнитных излучений на участки мозга, отвечающие за мораль и нравственность. У меня там один знакомый человек работает, – шеф несколько замешкался, что было явлением крайне редким, и я с удивлением посмотрел на него, – которого я давно знаю... Так вот, она говорит, что в экспериментальной лаборатории этого отдела добились возможности блокировать участки мозга, отвечающие за зло. И стимулировать те, что отвечают за добро. А это крайне интересно, согласен?

– А то, – ответил я. – Я с вами, шеф, всегда согласен... Стало быть, получается, что всех людей можно сделать хо-

рошими?

– Ну, где-то примерно так.

– И преступников можно сделать хорошими и добрыми людьми? – с энтузиазмом уточнил я.

– Наверное, – неопределенно пожал плечами шеф. – Это все предстоит узнать тебе самому. Вот тебе и цель, и задачи.

– Но это же мировое открытие!

– Возможно, – сдержанно сказал шеф. Судя по тону, он не особенно разделял моего оптимизма. – Это тоже тебе предстоит выяснить.

– А как ее зовут? – спросил я.

– Кого? – удивленно сморгнул шеф.

– Ну, этого вашего человечка.

– Ее зовут Бережная Маргарита Николаевна, – не сразу ответил шеф. – Кандидат биологических наук, кстати.

– Понял, – уважительно произнес я. – Мне можно будет с ней побеседовать?

– Побеседовать – можно, а что касается интервью – не уверен.

– Когда конференция?

– Послезавтра. К этому времени ты уже должен знать во всех подробностях, чем занимается институт, кто его руководитель, кто начальник отдела исследований мозга и руководитель их экспериментальной лаборатории. Каковы перспективы разработок этого отдела и их прикладное значение. Словом, ты должен знать максимум возможного и быть под-

готовленным к конференции. Если задашь на конференции пару грамотных вопросов докладчику и тот честно на них ответит, то будет совсем здорово!

– А кто основной докладчик? – проникся я темой.

– Основной докладчик – сам руководитель этой экспериментальной лаборатории отдела исследований мозга, доктор биологических наук Рудольф Михайлович Фокин. О нем тоже что-нибудь найди. Словом, к конференции ты должен быть просвещен касательно мозга и его функций. Все... Двигай!

Сегодня на телевидении, да и вообще в журналистике, много случайных людей, которых и на пушечный выстрел нельзя допускать к работе в СМИ. Ведь СМИ для журналиста – это своеобразная трибуна, с которой он информирует массы о том или ином событии, причем не без собственного отношения к этим самым событиям. Грубо говоря, журналист неосознанно или осмысленно навязывает свои, личные взгляды относительно определенных событий, явлений, конкретных личностей читателям его статей и зрителям его репортажей и передач. Это значит, что он формирует определенное общественное мнение. А для этого он должен хотя бы иметь какое-то собственное мнение. Лучше – профессиональное, которое у людей случайных либо отсутствует вовсе, либо искажено в силу субъективности. Вот и получается, что никакой идеологии у нашего общества сегодня нет. Конечно,

виной этому не только случайные люди в СМИ, но и вообще случайные, которые не на своем месте. Просто отрабатывают нехилые бабки, показывая в сочных картинках творящийся на улице хаос. К тому же здоровски помелькать по ящику, чтобы услышать потом лестный комплимент от знакомых. Но ведь цель и идея должны быть совершенно иными: как двигаться вперед и, главное, куда двигаться.

Я не хотел, чтобы меня причисляли к случайным людям в журналистике, да, собственно, и не считал себя таковым, поэтому на мероприятия всегда старался приходиться подготовленным и знающим хотя бы его тему и общее содержание. Так же обстояли дела и с интервью. Ибо просто задать вопросы интервьюируемому человеку – этого мало. Надо еще знать, почему такие вопросы задаются именно ему, разбираться в теме, о которой пойдет речь, и быть готовым к содержательному разговору. Так что и без напоминаний шефа я бы готовился к конференции и возможным интервью по максимуму. Тем более ни о самом институте неврологии имени Божевникова при МГУ, ни о том, чем он занимается, я не знал.

Начал я с того, чьим именем был назван НИИ неврологии. Об Алексее Яковлевиче Божевникове я узнал из Интернета. Родился он в Рязани в 1836 году. Умер в Москве в 1902-м. Это был человек, преданный своему делу до самого последнего дня. Он окончил медицинский факультет Московского Императорского университета, защитил докторскую диссер-

тацию, изучал деятельность мозга за границей. Был доцентом МГУ и заведующим одной из его кафедр. Он – создатель неврологической клиники при МГУ и неврологического музея. Именно профессор Божевников выделил невропатологию в самостоятельную клиническую дисциплину. А его работы, посвященные деятельности отдельных участков мозга, являются актуальными и по сей день...

Затем я изучил материал о самом НИИ неврологии имени А. Я. Божевникова. Возник институт на базе межфакультетской лаборатории МГУ в девяностые годы прошлого века. Его бессменным директором был ныне семидесятидвухлетний доктор биологических наук, академик Российской Академии наук, профессор Леонтий Янович Раскин, ученик видного советского невролога Лазаря Соломоновича Минога, который, в свою очередь, был учеником Алексея Яковлевича Божевникова. Так что научная преемственность налично.

Отделом исследований мозга руководил доктор медицинских наук профессор Борис Георгиевич Базизян, пятидесяти двух лет, а руководителем экспериментальной лаборатории отдела являлся доктор биологических наук Рудольф Михайлович Фокин, тридцати восьми лет от роду. Он же должен быть главным докладчиком на предстоящей конференции. Его лаборатория занималась воздействием магнитного поля и электромагнитных излучений на отдельные участки мозга, отвечающие за различные функции человеческой души и

тела, и, кажется, была на грани мирового открытия, если уже его не совершила. По крайней мере, публикации в специальных медицинских журналах явно намекали на это. Предстоящая конференция грозила сенсацией, что и нужно было нашему телеканалу, впрочем, как и любому другому.

Два дня я только тем и занимался, что изучал человеческий мозг. А когда к исходу вторых суток голова начинала распухать от полученных знаний, ко мне пришла шальная мысль, что я его постиг не хуже самого Бехтерева.

Разумеется, я и раньше знал, что нашим телом всецело командует это серое вещество, которое зовется мозгом. Оно подает сигнал – и мы поднимаем ногу, оно подает еще сигнал – и мы хотим откусить селедки с лучком, порезанным аппетитными кружочками. Оно выдает некий импульс – и мы вдруг вспоминаем, что на небе есть звезды. И начинаем задаваться вопросами, ответов на которые не существует. Ну или, по крайней мере, эти ответы нам никто не скажет... И сколько нового я узнал о строении и функциях мозга, вы даже не представляете! Таламус, гипоталамус, вентромедиальная префронтальная кора, лимбическая зона, базальные ганглии... Про все эти вещи, если данные участки мозга можно так назвать, я узнал впервые. А о базальных ганглиях, что приводят к согласию наши мысли, чувства и движения, я вообще впервые услышал... Одним словом, на конференцию я пришел достаточно подготовленным, чтобы понимать, о чем пойдет речь, и уметь сделать выводы.

Мы со Степой, моим молчаливым оператором, который походил как минимум на заслуженного доцента, прошли в актовЫй зал института (сам НИИ неврологии имени А. Я. Божевникова располагался недалеко от биофака МГУ) и заняли место в проходе, совсем недалеко от кафедры.

Людей было много...

Первые ряды занимались, как издавна повелось, руководством. Ведь оно должно все видеть и слышать, и все должны видеть их.

Вот пришел и сел, отдуваясь, профессор Борис Георгиевич Базизян, крупный и тучный мужчина с прической Эйнштейна, какая у того была, когда он показывал язык журналистам. Я узнал Базизяна по фотографии, размещенной в Интернете.

А вот пришел и сам академик Леонтий Янович Раскин, суховатый горделивый старикан, которого под руку держала некая юная особа, то ли его дочь (она тоже работала в НИИ неврологии имени А. Я. Божевникова), то ли его секретарша. Остальные места первого и второго ряда заняли такие же степенные и немолодые личности, имеющие научные регалии и оттого наполненные бросающейся в глаза важностью и неизбывным достоинством.

Рассаживались и остальные, кто пришел послушать главного докладчика, а возможно, и поспорить с ним. Ибо в научной среде споры – вещь частая и, наверное, необходимая.

Рядом с нами присела на краешек стула женщина в дело-

вом костюме, которая, как мне показалось, волновалась и все время оглядывалась, словно выискивала в зале знакомых. В руках у нее была бутылочка с минеральной водой, и она время от времени прикладывалась к ее горлышку. Не будь я занят – а впрочем, когда мне это мешало? – я бы непременно обратил на нее больше внимания, поскольку эта женщина явно была из разряда «роковых», то есть умных, знающих, чего они хотят от жизни, красивых не кукольной красотой (таких предостаточно за прилавком в каждом супермаркете), а притягательно женской и, несомненно, обладающих обаянием и шармом. И, конечно, загадкой, которую хотелось разрешить более всего на свете, но чаще всего – безуспешно... Просто те мужчины, кто уже обжегся на подобного рода женщинах и испытал нешуточную сердечную муку, стараются обходить их стороной. И правильно делают! Поскольку знакомство с такими женщинами, помимо настоящих минут счастья, несет еще и погибель. Причем в самом прямом смысле этого слова.

Вот и я, побывавший в шкуре этих мужчин, старался больше не наступать на брошенные грабли...

Ее звали Наташа...

Короткая прическа, умные карие глаза с темными точечками и небольшим прищуром, который можно было принять и за внимание к тебе, и за затаенный смех (а возможно, и намек на насмешку). Я так и не смог точно определить, что

означает выражение ее лисичьих глаз. Это было ее тайной... Несколько неярких веснушек вокруг небольшого прямого носика придавали ей нежность и женственность до такой степени, что их хотелось немедленно поцеловать. И вообще при виде ее все мои чувства невероятно обострились и я начинал испытывать нешуточный восторг. Она была, несомненно, из породы роковых женщин. Море обаяния, шарм, как у Мата Хари, ум, как у Софьи Ковалевской, тайна, как у египетского сфинкса... В жестах и движениях грация, как у балерины Павловой. И я, конечно же, попался. Иначе – влюбился. По уши! Правда, не сразу, некоторое время еще пытался противостоять прямо-таки нечеловеческим чарам, но, признаюсь откровенно, надолго меня не хватило.

Тогда у меня не было еще большого опыта «общения» с женщинами, но интуитивно я уже понимал, что если не заставить женщину печалиться и переживать по поводу имеющихся чувств к тебе, то печалиться и переживать будешь ты сам. В жизни не бывает так, чтобы оба любили друг друга одинаково. Любить с «открытым забралом» – счастливо, без хитроумных уловок и борьбы – почему-то не получается. По крайней мере долго. Обязательно начнется какое-то противостояние. И еще я отметил одну такую закономерность: в любви двоих всегда выявляется кто-то главный, и чтобы быть счастливым, этим главным должен быть непременно я. А так называемая демократия отношений – вещь вообще крайне неблагоприятная и невероятно скользкая.

– Женщина в любви не должна быть главной, – сказал как-то мне, шестнадцатилетнему пацану, мудрые слова один мой двадцатисемилетний друг. Разговор состоялся в коротком интервале между вторым разводом и третьим браком. – Часто она и сама не хочет быть главной. Женщина хочет быть мягкой, нежной и беззащитной, чтобы мужчина защищал ее, охранял и заботился о ней. Что вполне нормально. Это, брат, сегодня пришло такое время, когда бабы стали загребастее мужиков, а мужики предпочитают быть ведомыми, но не главенствующими, ибо им так проще и беззаботнее. А счастье и любовь зиждутся на вещах банальных и простых. Надо, чтобы мужик просто добывал деньги на жительство и еду, а женщина хранила дом, рожала детей и ждала его возвращения, желательно с добычей. Что, звучит примитивно?

– Ну... – протянул я, не зная, что сказать, но мой старший товарищ ответил за меня:

– Может, и примитивно. Но с пещерного времени мало что изменилось, по большому счету... Все отклонения от этих простых правил чреватые несчастьем. И разрушением отношений. Хотя бы посмотри на мои браки... каждая из них так и норовит протиснуться в лидеры. Дело мужчины – подчинять женщину. Дело женщины – подчиняться мужчине. Запомни это, пацан...

В принципе я поначалу действовал именно так, как учил меня мой старший товарищ. И Наташа вскоре всецело оказалась под моей властью, несмотря на ее ум, обаяние, шарм

и еще бог знает чего, что было в ней заложено! Схема, предложенная мне в давнем разговоре дважды разведенным другом, работала! И еще как работала! Она молча сносила мою независимость и стремление распоряжаться собой в своих личных интересах. Мои уходы и приходы были для нее непредсказуемы, что заставляло ее постоянно ждать меня. И, как бы это ни звучало странно, смирившаяся с моими отлучками и показной независимостью, она была по-настоящему счастлива, когда я оказывался рядом. А я? Я по уши влюбился. Наперекор советам и всему прочему, включая здравый смысл, то есть рассудок. И меня, не оперившегося еще молодого мужчину, понесло. Как щепку по волнам океана. Который зовется любовью...

И сразу же наши отношения пошли как-то наперекосяк! Ради нее я был согласен на многое, если не на все. Я распахнул перед ней все двери своего сердца, сорвав с них последние замки... Я словно сорвался с цепи и просто утопил ее в море собственных чувств.

Ради нее я был готов на все, но ей уже нечего было желать: только скажи – и я опрометью бежал исполнять женскую волю со щенячьим повизгиванием.

Я видел все ее недостатки, но они лишь умиляли меня. Мы сходили с ума друг по другу, растворяясь в объятиях. Как искренне я радовался! Как ликовал, что люблю и сделался наконец любим! Меня просто переполняло долгожданное счастье, и я забыл о том, что это когда-нибудь может закон-

читься, и как-то незаметно отдал ей власть над нашей общей судьбой.

Наташа опомнилась первой.

Как был, оказывается, недальновиден король Лир, когда, отказавшись от власти, полагал, что будет окружен почетом и станет поживать по-королевски и далее. После обрушившегося на нас с Наташей счастья наступило горькое похмелье, и вскоре действительность швырнула меня на загаженный пол.

Отказавшись от власти над женщиной, я стал потакать всем ее желаниям, не понимая, что это была одежда с чужого плеча, не подходившая мне.

Моя любовь к ней вытеснила все прочие интересы. Мир перевернулся с ног на голову. Я жил только ею, а у нее, кроме меня, отыскалась вдруг масса других привязанностей. Теперь уже мне приходилось ее дожидаться и радоваться тем счастливым минутам, когда она окажется рядом. А этих минут становилось все меньше, и наши встречи происходили все реже. В ее глазах не было прежней страсти, размылись душевные переживания, а любовь как-то помельчала.

Открылись глаза у меня слишком поздно. И началась раздирающая душу боль, бесконечные сомнения. Разумеется, попытки порвать окутавшие меня сети были, но как только Наташа начинала замечать, что ее власть надо мной слабеет, она снова становилась внимательной, ласковой, покорной и уступчивой, как бы добровольно отдавая бразды правле-

ния нашей общей судьбой в мои руки. Конечно, на время... Я успокаивался, после чего все начиналось сызнова. Потом Наташа перестала замечать все, что связано со мной, ее это просто уже не интересовало. А я, как рыба, ухватившая заманчивую наживку, заглатывал крючок все глубже. Наступил момент, когда я уже не мог с него сорваться, и любое движение причиняло мне невыносимую боль. Попытки как-то поговорить с Наташей о наших отношениях ни к чему не приводили. Она просто не желала меня слушать. Я продолжал безумно ее любить, а она охладела окончательно...

Это был самый край в наших отношениях, после которого наступил конец. Наташа ушла окончательно. Я был вынужден выдавливать из себя любовь вместе с кровью и слезами. Вырывать ее с мясом, долго и мучительно. Долгих два месяца я провел в добровольном заточении. Сидел в четырех стенах и пялился неподвижным взором в потолок, вспоминая все самое светлое, что связывало меня с Натальей. Никуда не выходил, никому не звонил... Потом как-то выбрался. Город продолжал жить прежней обычной жизнью. В его ритме ровным счетом ничего не изменилось, и он даже не заметил моих страданий. Это поразило меня более всего. Мир рухнул, раскололся на крупные обломки, а все идет так, как будто бы ничего не произошло.

Я машинально брел по улице и вдруг увидел ее... Она шла на несколько шагов впереди меня, и ее, как мадонну, окутывало сияние. А может, это тусклое осеннее солнце отдало ей

весь запас своего света.

Я догнал ее и тронул за плечо. Она обернулась и сделала удивленное лицо.

– Простите, – произнес я, увидев незнакомую девушку. – Обознался...

– А че сразу трогать-то? – прозвучал хрипловатый вульгарный голос. – Чуть что, так сразу трогать...

– Простите, – повторил я, отнял руку и пошел дальше, не глядя по сторонам.

А когда неожиданно остановился и поднял голову, оказалось, что я стою перед ее домом. Было уже темно, и в ее квартире горело несколько окон. И окно спальни тоже. Я стал смотреть на него, надеясь увидеть хотя бы ее силуэт, пусть даже мельком, и понимая, что это ровным счетом ничего не изменит.

В тот раз мне не повезло... Я простоял около трех часов, а потом отправился в обратную сторону.

С того дня прошло два года нестерпимой боли, а мне все никак не удавалось успокоиться: Наталья являлась ко мне в снах, я разговаривал с нею в мыслях, мне приходилось что-то доказывать, упрекать, но все тщетно, она меня не слышала!

Наверное, у этой болезни есть диагноз, и называется она «несчастливая любовь». Ею надо обязательно переболеть.

Чтобы выздороветь...

Зал постепенно заполнялся. До меня доносились обрывки

фраз, по которым можно было сделать заключение, что конференция обещает в самом деле быть сенсационной.

– Великолепные результаты... Он просто молодец! – говорил чей-то восхищенный голос.

– Великолепные – не то слово... Фантастические!

– Какой умница! Наша надежда. Знаете, он даже внешне похож на Бехтерева.

– Базизян и Фокин заткнули за пояс и немцев, и американцев...

– Это точно! Теперь ребятам из Массачусетского технологического института со своими опытами остается только облизнуться...

– А что вы хотите, это же Рудольф Фокин! После его работы остается выжженная земля! Он ничего не пропускает. Невероятный педант.

– А что Рудольф? Идея-то принадлежит профессору Базизяну, – произнес какой-то злопыхатель.

– Да-а... Базизян – это настоящее светило... – уважительно отозвался в ответ тихий голос. – Он умеет найти великое даже в простых вещах. А какой великолепный организатор!

– Что ж, Базизян опять получит грант и федеральные деньги, причем львиная их доля придется на его отдел, – раздраженно проговорил мужчина средних лет. Тоже, поди, из профессоров.

– А мы так и будем прозябать, подбирая объедки со стола Бориса Георгиевича, – поддержал его мужчина помоложе

с небольшой рыжеватой бородкой – явная заявка на некоторую академичность. – И то, если он нам это позволит...

– А вы делайте свои открытия, тогда не будете *прозябать*, – язвительно парировал грузный человек с гладко выбритым лицом и в дорогом сером костюме, чем-то напоминавший преуспевающего бизнесмена. – И подбирать обеды...

– Ну не все же у нас такие гениальные, как Базизян...

– Да, Борис Георгиевич у нас такой один, – согласился круглолицый.

– Насколько мне известно, последние результаты исследований лаборатории Рудольфа Михайловича просто поразительны, – говорила какому-то мужчине дама, проходя мимо меня. – А ведь начинали с крыс и собак... Вы видели Матильду?

– Какую Матильду? – удивленно спросил мужчина.

– Их подопытную крысу...

– Нет, не видел. А что с ней такое? Что-то серьезное?

– А вот вы взгляните и тогда сами все поймете...

– Говорят, что результат тестирования с группой добровольцев превзошел все ожидания! – заметил мужчина. – Десятью восемь процентов из ста – это превосходный результат.

– Да было бы и все сто, можете не сомневаться, – ответила дама. – Просто дезориентация работы правого височно-теменного узла у одного из добровольцев оказалась не до кон-

да успешной. Наверное, у него была какая-то травма в детстве. Вот отсюда эти два процента. Иначе были бы все сто!

– Приветтики! – вдруг раздался за моей спиной приятный девичий голос.

Я обернулся и увидел ту, кого меньше всего рассчитывал встретить не только на научной конференции, но и вообще в своей жизни.

– Что, не ожидали меня здесь встретить?

– Не ожидал, – оторопело произнес я, взглядываясь в прелестное личико девушки и ее смеющиеся глаза. – Привет... Что ты здесь делаешь?

– То же, что и ты. – Ее «ты» прозвучало так, будто нас связывало нечто большее, нежели простое и абсолютно случайное знакомство. А может, так оно и было, поскольку в первую нашу встречу (она же и последняя) между нами протянулась некая паутинка, связавшая нас... Во всяком случае, мне так показалось. Теперь я понимал, что не ошибся в своих ощущениях.

Это было около двух недель назад.

Я занимался журналистским расследованием гибели заслуженного артиста России Игоря Валентиновича Санина, и в один из дождливых дней снова отправился к дому, где он жил, поскольку до этого мне не удалось побеседовать с хозяевами квартиры номер семь. Сам Санин жил на втором этаже обычной высотки, в квартире за номером шесть. В пя-

той квартире жила его соседка Клава Печенкина. Та самая, что обнаружила тело Игоря Санина, заглянув в приоткрытую дверь его квартиры. Но Печенкина не только отказалась со мной разговаривать, но даже не захотела открыть дверь. Так что мы со Степой сняли только синхрон со мной у ее квартиры, на том и успокоились.

В восьмой квартире проживала доисторическая старушенция, которая не слышала шума в квартире Санина в день убийства и не видела никаких посторонних личностей, которые бы приходили к нему. А вот в квартире номер семь, когда я приезжал снимать передачу про гибель актера, никого тогда не было. И вот уже без оператора Степы и без особой надежды на успех я поднялся на второй этаж и вдруг услышал музыку. Доносилась она как раз из седьмой квартиры. Я нажал на кнопку звонка, но мне никто поначалу не открыл. Музыка играла столь громко, что звонка в квартире просто не было слышно.

Тогда я стал жать и жать на звонок, намереваясь делать это до тех пор, пока мне не откроют. Мне повезло только после восьмого или девятого нажатия, когда терпение мое было уже на исходе. Открыла дверь юная девушка, глянула на меня одним глазом (второй был закрыт дверью, придерживаемой цепочкой) и спросила, кого мне нужно.

– Возможно, вас, – пошутив, ответил я.

– А вы кто?

Я представился, назвал место работы и сказал, что хотел

бы побеседовать с кем-нибудь из взрослых.

Девушка ответила, что из взрослых дома только она одна, и попросила показать ей какие-нибудь документы, доказывающие, что я есть то самое лицо, каковым назвался, и что я действительно тележурналист, работающий в телекомпании «Авокадо».

Я показал ей удостоверение сотрудника телеканала, после чего, убедившись, что я пришел один, она осмелилась впустить меня в квартиру.

На вид ей было не больше шестнадцати. Она только что вышла из-под душа, поэтому на ней был только легкий халатик небесного цвета.

Мы прошли на кухню, и девушка предложила сварить кофе мне самому.

– А на вас сварить? – спросил я ее.

– Нет, я не пью кофе, – ответила она и добавила: – Ничего, если я вас оставлю на пять минут? Я только что из душа...

– Да ради бога, – снисходительно разрешил я, нашел кофе и турку и принялся варить кофе.

Девушка вскоре вернулась: в том же халатике и с неким сооружением из полотенца на голове, похожим на турецкий тюрбан, только больше. Не буду скрывать, что она мне понравилась. Да и как могли не понравиться ее прелестное личико со слегка вздернутым носиком, тонкая хрупкая шейка, вызвавшая во мне прилив нежности, вполне созревшая грудь, угадывающаяся под плотно наспех запахнутым хала-

тиком, и точеные ножки с сильными загорелыми икрами?

– А у вас кофе не убежит? – спросила она с легкой усмешкой, поскольку я натурально застыл, уставившись на нее.

Я спохватился и едва успел снять с плиты турку, в которой кофейная пена уже выросла до самой кромки турки.

Налив кофе в чашку, я сказал хозяйке, что очарован ею.

– Да? – улыбнулась она и сузила глаза до щелочек. – Делать девушкам комплименты входит в вашу обязанность?

– Нет, – ответил я, подув на кофе и сделав маленький глоток. – Я делаю девушкам комплименты только тогда, когда не могу этого не делать.

– Значит, я вас сразила?

– Наповал, – признался я.

Она в ответ рассмеялась, показывая белые ровные зубки, и спросила про мою работу. Мы немного поговорили о телевидении, а потом она поинтересовалась, что привело меня к ней.

– Желание поговорить, – ответил я.

– Желание? – переспросила она.

– Именно. Ну, и некоторая необходимость...

– Вы хотите пригласить меня работать в вашей телекомпании? – хитренько улыбнулась девушка и присела напротив, подперев голову ладонью.

Сам не понимаю, что меня толкнуло спросить:

– А вы живете одна?

– А что, от моего ответа зависит, примете вы меня на ра-

боту или нет?

– Нет, не зависит, – серьезно ответил я.

– Я живу с мамой. Но сейчас она в другом городе. И пробудет там еще почти неделю...

Странное дело, но разговор с этой малолеткой доставлял мне огромное удовольствие. Сразу возникло ощущение, что мы знакомы уже давно.

– Ладно, вы меня уговорили, – произнес я тоном человека, которого после долгих уговоров наконец убедили.

Она удивленно вскинула красивые узенькие бровки:

– Уговорила – в чем?

– В том, чтобы я еще раз к вам зашел, – сказал я и с добрейшей улыбкой добавил: – Пока мама пребывает в другом городе. А как вас, кстати, зовут?

– Ирина, – ответила она. – Сейчас вы спросите, сколько мне лет?

– А сколько вам лет?

– Почти восемнадцать, – пытливо посмотрела на меня Ирина. – И в этом году я оканчиваю школу.

– Замечательно! – воскликнул я, изобразив радость. – Значит, вам уже можно жениться?

– Жениться?

– Ну, в смысле уже можно выходить замуж, – поправился я. Понимал, что меня занесло в какую-то не ту сторону, но ничего поделать с собой не мог.

– Да, можно, – кивнула она. – А вы что, имеете намерение

позвать меня замуж?

– Нет, – сделал я серьезное лицо. – Денек-другой все же нам с тобой надо повременить...

– Хорошо, повременим, – звонко засмеялась Ирина. – И все же, зачем вы ко мне пришли?

Настало время перейти к цели моего визита. И я сказал, что хочу распросить ее про Игоря Санина.

– А его правда убили? – спросила она. – Говорили же, что это просто несчастный случай. Упал, ударился головой, потерял много крови...

– Точно ничего пока не известно, – не стал я раскрывать перед ней все репортерские тайны. Не только в женщине должна быть загадка, но и в мужчине тоже. Добавил только, что такой вариант, как убийство, я не исключаю. А потом спросил, виделась ли Ирина с ним.

– Да, виделись, – просто ответила она. – Сталкивались пару раз на площадке и даже один раз немного поговорили. Он позвал меня замуж...

– Да ты что? – притворно заревновал я.

– Мы с ним встретились на лестничной площадке. Санин заходил в свою квартиру, а я как раз закрывала дверь. Мы поздоровались, и он, посмотрев на меня, сказал, что с моей внешностью мне надо сниматься в кино. Это прозвучало довольно неожиданно, но я решила ответить шуткой и сказала: я, мол, согласна, если вы меня устроите. И тогда он ответил, что, если я выйду за него замуж, сделать это ему просто при-

дется...

– И когда состоялся такой разговор? – спросил я, почувствовав себя ищейкой, наткнувшейся на свежий след зверя.

– За день до его гибели, – ответила Ирина.

– А в день, когда с ним случилось... это несчастье, вы его видели?

Оказалось, что Ирина видела Санина и в день убийства. Она собиралась к подруге и выглянула в окно, чтобы посмотреть, какая погода и что ей надеть. Санин стоял во дворе с тремя мужиками. Потом третий, наверное, пошел в магазин, а двоих он повел к себе домой. О том, что актер выпивал с дворовыми мужиками, я уже знал. И этих двоих, Васю и Гришу, тоже знал, поскольку успел уже с ними поговорить и выяснил кое-что интересное... А вот третий мужик был из соседнего дома. Правда, его поиски ни к чему не привели. Более того, после убийства Санина он вообще пропал. Перестал появляться в их дворе и пировать вместе с Васей и Гришей. А именно он, как мне удалось узнать, покинул квартиру Санина последним. И вдруг Ирина заявляет, что живет этот мужик в соседнем доме, причем она даже знает, в каком: его дом виден из ее окна. Правда, имя его ей было неизвестно, (а его звали Петром Самохиным), зато подъезд и этаж, на котором он жил, хорошо знакомы, поскольку на этой же лестничной площадке обитала ее лучшая подруга Катька, и Ирина однажды, придя к ней, увидела, как он выходил из соседней квартиры.

Тут во мне взыграло ретивое, проснулся репортерский азарт, оттеснив на второй план все прочие личные интересы, в том числе и вспыхнувшее расположение к девушке. Я быстренько засобирался и стал прощаться с Ириной, чем, похоже, ее сильно обидел.

– Вы куда? – услышал я уже в спину, и в этих словах явно сквозило приглашение остаться.

Но я пробормотал что-то вроде:

– Мне надо... спасибо... я совсем забыл, что мне надо... именно сейчас... простите... – И ретировался. Мне нужно было срочно повидать Петра Самохина.

И что же дальше? Самохина я так и не увидел, поскольку его задушили подушкой прямо в реанимационном отделении, куда он попал после ножевого ранения. А вот вернуться к Ирине мне не достало решительности. Но более всего не хотелось попасть в щекотливую ситуацию, которая обязательно бы произошла. Сто процентов, что Ирина встретила бы меня холодно и в квартиру не пригласила бы! И я бы мялся, не зная, что сказать и как себя вести. А этого очень не хотелось...

Ирина стояла передо мной, и глаза ее лучились радостью. Про обиду, которую я ей нанес, убежав из ее квартиры в желании поскорее увидеть Самохина и переговорить с ним, она, кажется, не желала вспоминать...

– И все же, что ты здесь делаешь? – повторил я свой во-

прос.

– Пишу репортаж о конференции, – охотно ответила она.

– Но ты ж говорила, что еще учишься в школе? – припомнил я наш предыдущий разговор.

– Да, я ее оканчиваю и уже второй год посещаю Школу юного журналиста при МГУ. Мне дали задание написать репортаж с этой конференции.

– Ясно, – сказал я. – Будешь поступать на журфак...

– Буду, – твердо проговорила Ирина. – И лишняя публикация мне совсем не помешает...

– Значит, мы с тобой коллеги?

– Получается, что так.

Мы немного помолчали.

– Я видела вашу передачу, – сказала она, назвав меня на «вы». – Вы, Алексей, очень рисковали жизнью... Я так за вас переживала!

– Меня зовут Аристарх, – чуть помедлив, ответил я.

– Я знаю. Но тогда, при знакомстве, вы назвались Алексеем, и я подумала, что вам не хочется, чтобы вас называли Аристархом.

– И верно, не хочется, – согласился я. – Поскольку, помимо имени Аристарх, у меня еще и отчество Африканыч...

– Какое-какое? – Она фыркнула, но рассмеяться не решилась и сдержалась. Правда, с трудом.

– Африканыч, – повторил я.

– Но вы ведь в этом не виноваты, верно?

– Верно. Но как-то не хочется никого винить. Просто не повезло.

Раздались не совсем дружные рукоплескания. Это появился Рудольф Михайлович Фокин, доктор биологических наук и руководитель экспериментальной лаборатории отдела исследований мозга. Шаг его был решительным и твердым, какой может быть у уверенного в себе человека. Пока он шел к кафедре, рукоплескания стали более дружными и продолжительными, а затем и вовсе превратились почти в овацию, когда он взошел на кафедру и победным взором окинул торжествующий зал. Потом поднял руку, как бы успокаивая присутствующих, и рукоплескания затихли. Было заметно, что Фокин немного волнуется и не решается начать свой сенсационный доклад. Он опустил голову, как бы собираясь с мыслями, и так простоял секунд тридцать при полной тишине зала.

Наконец Рудольф Михайлович поднял голову и решительно произнес:

– Уважаемые коллеги, друзья, гости. Сейчас вы услышите то, о чем еще долго будете говорить в коридорах, курилках и между собой в частных разговорах. То, что заставит вас задуматься о вашей жизни и работе, жизни и работе ваших коллег, то, что, возможно, шокирует вас и изменит восприятие окружающей действительности, каковую вы привыкли видеть каждодневно и ежечасно. Речь пойдет о работе нашей экспериментальной лаборатории и результатах этой ра-

боты... – Фокин запнулся, посмотрел прямо перед собой, затем налил из стоящей на кафедре бутылки минеральную воду в стакан и залпом выпил. – Так вот, господа ученые и гости. Вся деятельность нашей экспериментальной лаборатории – это...

Фокин вдруг задрал подбородок стал жадно ловить ртом воздух, лицо его налилось кровью и исказилось гримасой ужаса, словно он увидел прямо перед собой страшного монстра. Он зло рванул руками ворот рубахи, а потом грохнулся на пол. Его ноги, выглядывавшие из-за кафедры, слегка дернулись, Фокин попытался подняться, и в замогильной тишине, установившейся в зале, было слышно, как о деревянный пол ударились обессилевшая голова.

Я невольно оглянулся на Степу. Тот снимал все происходящее, установив камеру на плечо. Шесть килограммов на плече для него – вполне привычное дело. Секунды три-четыре в зале еще стояла зловещая тишина. А потом все повскакивали со своих мест и метнулись к трибуне, где распластался Фокин. Вскочила с места и роковая женщина в деловом костюме, что сидела возле самого прохода на крайнем стуле. Только она не бросилась, как остальные, к Фокину, а, напротив, пошла совсем в обратную сторону, к выходу. Это показалось мне весьма странным и даже где-то подозрительным, но репортерская привычка находиться как можно ближе к случившемуся не позволила мне следовать за ней. Хотя было крайне любопытно, почему эта женщина не рину-

лась, как все остальные, к лежащему Фокину, тело которого вдруг стало содрогаться в конвульсиях. Уходила она крайне поспешно, будто спасалась от кого-то бегством.

– Он что, умер? – удивленно спросила меня Ирина.

– Не знаю, – ответил я, тоже кинувшись к Фокину.

Поскольку мы стояли в проходе, мне удалось подойти к нему весьма близко, и через склоненные головы я увидел всю картину происходящего. Кто-то обмахивал лежащего на полу мужчину газетой, кто-то звонил в «Скорую помощь».

– Наверное, надо позвонить и в полицию, – услышал я откуда-то сбоку женский голос.

– Не лезь не в свое дело, Лара, – ответил приглушенный начальственный баритон. – Нам что, своих, что ли, забот не хватает?

Повернуться в сторону говоривших мне не удалось. Народ сбился вокруг Фокина в плотный круг, лишив меня всякой возможности совершить какой бы то ни было маневр.

– Да отойдите же вы от него! – закричал профессор Базизян, отталкивая своим тучным телом людей подальше от лежащего Фокина. – Дайте ему возможность дышать!

Возле Рудольфа Михайловича уже энергично хлопотали двое мужчин из зала, очевидно, медики.

– Потеря сознания, – негромко сказал плотный здоровяк, оттянув веки Фокина.

– Он не дышит, – произнес второй, с длинной подвижной шеей, чем-то похожий на рассерженного гусака. – Очевидно,

наступил паралич дыхательного центра.

Здоровяк разомкнул зубы Фокину и заглянул ему в рот:

– Смотрите, Виктор Иванович, у него гиперемия кожных покровов. И алый окрас слизистой...

– Вы думаете, Геннадий Васильевич, что это... – начал было второй, но первый мужчина не дал ему договорить и довольно громко произнес:

– Это отравление. Надо полагать, синильная кислота...

По залу пронесся шелест, какой бывает, когда налетевший вдруг ветер растревожит кроны деревьев.

– Ничего не трогать! – громко сказал здоровяк. – Полицию кто-нибудь вызвал?

– Я уже звоню, – ответил второй мужчина по имени Виктор Иванович.

Количество людей в зале стало стремительно таять. Ученые – весьма осторожные люди и в большинстве своем стараются держаться как можно дальше от всякого рода неприятностей. Поэтому вскоре возле тела завлаба Рудольфа Михайловича Фокина, начавшего, похоже, остывать, остались только профессор Борис Георгиевич Базизян, дышавший так, словно только что пробежал стометровку на время, и какая-то девица лет двадцати пяти с покрасневшими глазами. Конечно, остались двое медиков – Геннадий Васильевич и Виктор Иванович, я со Степой и Ирина, беспрестанно строчившая что-то в своем блокнотике. Последним, выдавив глубокомысленное: «Да-с», ушел академик Леонтий Янович

Раскин, поддерживаемый под руку некоей юной особой. Надо полагать, он тоже не искал приключений на свой истощенный научными изысканиями вислый зад...

– Так вы думаете, это отравление? – спросил профессор Базизян, обращаясь к Геннадию Васильевичу.

– Да, я так думаю, – уверенно ответил мужчина. – Все симптомы указывают на то, что Рудольф Михайлович был отравлен синильной кислотой.

– Но она же должна пахнуть горьким миндалем, – нерешительно произнес профессор Базизян. – Как косточки от слив... Это ведь общеизвестно... Он что, совершенно не чувствовал этого запаха?

– Ну, скажем, не так уж сильно она и пахнет, – уточнил Виктор Иванович. – Кроме того, было видно, как Рудольф Михайлович сильно волнуется. Да и жарко сегодня. А стакан воды с растворенной в ней синильной кислотой можно выпить и залпом, не заметив. И уж только потом почувствовать запах... Стоп! Ведь он что-то пил, стоя за кафедрой?

При этих словах все повернули головы к кафедре. Я тоже невольно перевел взгляд с говорящих на трибуну-кафедру. Ни стакана, ни пластиковой бутылочки с минеральной водой на ней уже не было...

Геннадий Васильевич поднялся на сцену, оглядел кафедру, пол и ступени и развел руками:

– Ни бутылки, ни стакана здесь нет. Их явно кто-то унес.

– Так это что, убийство? – Борис Георгиевич Базизян за-

дышал еще тяжелее, будто на этот раз пробежал на время не стометровку, а четыреста метров с барьерами. Казалось, профессора вот-вот хватит удар, и он уляжется на пол, составив компанию доктору биологических наук Рудольфу Михайловичу Фокину.

– Очень похоже на то, – задумчиво проговорил Геннадий Васильевич. – Ваш отдел исследований мозга – самый успешный в институте, а экспериментальная лаборатория Рудольфа Михайловича – самая перспективная. Ему и вам просто страшно завидовали...

Базизян вдруг повернулся в нашу сторону:

– Перестаньте снимать! Имейте совесть, в конце концов!

Тут такое, а вы...

Я кивнул и посмотрел на Степу. Огонек на камере, показывающий ее работу, погас.

– И вообще вам здесь больше нечего делать, – продолжал профессор. – Остальное – уже дело полиции. – Было видно, что слова даются ему с трудом. – Представление закончилось, можете расходиться.

– Мы не можем разойтись, – ответил я, имея в виду себя и Степу, – ведь мы свидетели.

– Я тоже свидетель, – пискнула Ирина.

Расстроенный профессор Базизян сердито отвернулся. Мужчины-медики стали о чем-то шептаться между собой. Девушка с красными глазами закрыла лицо руками и беззвучно заплакала. Мы – я, Степа и Ирина – молча устроились в

креслах во втором ряду. А потом приехала полиция...

Глава 2

Хитрость Степы, или Можно ли победить зло

Они появились внезапно: не было, не было, и вдруг – нате вам! Явились! Выросли, будто из-под земли, энергично застучав каблуками. Оперативно-следственная группа состояла из трех человек. Все мужчины были молодые и самоуверенные: дескать, что это у вас, труп? Экое диво! Мы таких целое кладбище повидали.

Тело бывшего завлаба Рудольфа Фокина тщательно сфотографировали с самых неожиданных ракурсов, как если бы покойного готовили к какой-то серьезной фотосессии, и, отсняв, взялись за написание протокола с места происшествия. Далее приступили к опросу свидетелей. Борис Георгиевич Базизян и мужчины-медики, волнуясь и без конца сбиваясь, рассказали, что видели. От плачущей девицы толком ничего не удалось добиться, кроме того, что Рудольф Михайлович был «очень хороший и добрый».

Потом допросили Степу, Ирину и осмотрели с камеры кадры, как Фокин поднимается на сцену и подходит к кафедре, как начинает говорить, как наливает и пьет воду, а потом, задыхаясь и краснея, валится на пол.

К сожалению, все внимание Степы было обращено на Фо-

кина и людей, толпящихся вокруг, поэтому, куда подевались с кафедры пластиковая бутылка с минералкой и стакан, из которого пил Рудольф Михайлович, осталось неясным. И это наводило на мысль, что именно в бутылке с минеральной водой и содержался яд.

– Это убийство, – без обиняков, ни к кому не обращаясь, заявил старший из оперативников: худой и невыразительный, как затасканная кепка. И тут же посмотрел на меня: – Ну а теперь давайте побеседуем с вами.

Степа наладился было снимать, но дознаватель заметил это и сказал:

– А вот снимать меня не надо...

Я сделал знак Степе, и мой помощник выключил камеру.

– Итак, как вас зовут? – бесцветно поинтересовался оперативник.

– Аристарх Африканыч, – ответил я.

– Вы это серьезно, – недовольно посмотрел он на меня, – или это ваши журналистские шуточки?

– А если серьезно, то Русаков Аристарх Африканыч. – И я показал полицейскому свое удостоверение сотрудника телекомпании «Авокадо».

Тот повертел его в руках, потом с некоторым любопытством спросил:

– Телеканал «Авокадо»? «Кто убил Санина?» – это ваша передача?

– Наша, – скромно признался я, на короткий миг ощутив

себя телезвездой.

– Ясно, – многозначительно протянул дознаватель. – Я – капитан Бровкин, отдел МГУ. Вы здесь по приглашению?

– Да, мы с моим оператором были официально аккредитованы на конференцию.

– Мы будем вынуждены изъять ваши видеоматериалы, – предупредил капитан Бровкин.

– На каком основании? – попытался я возразить.

– В интересах следствия.

– А разве расследованием этого убийства будет заниматься ваше отделение?

– На данном этапе – да, – ответил Бровкин.

– А потом?

– А потом мы передадим дело Главному управлению Следственного комитета. Скорее всего, они заберут его у нас. Такие дела, как это, – в их компетенции. Разумеется, с предоставленными вами видеоматериалами.

– А мне нельзя напрямую передать видеоматериалы Главному следственному управлению? – поинтересовался я.

– Нет, вы их передадите нам, – безапелляционно произнес Бровкин, – а мы – им... Таковы правила.

– Но нам не из чего будет делать передачу, – попробовал я соспротивляться и тут же понял бесполезность своей затеи. Мои проблемы заботили капитана мало, вернее, совсем не заботили. Поэтому в ответ на мою фразу Бровкин просто промолчал.

– Итак, – положил он лист бумаги на папку, чтобы было удобнее записывать мои показания, – скажите, господин Ру-саков, что вы видели.

– Я видел все... что и остальные, – быстро заговорил я. – Мы встали с камерой в проходе напротив третьего ряда. Это совсем недалеко от сцены, поэтому я не только все видел, но и все слышал...

– Вот что... Давайте по порядку, – поправил меня капитан Бровкин. – Появился докладчик – Рудольф Михайлович Фокин. Что было дальше?

– Он поднялся на сцену и подошел к трибуне.

– А бутылка с минеральной водой уже стояла или кто-то принес ее и поставил на кафедру вместе со стаканом?

– Бутылка с минералкой... – я запнулся, припоминая, и ответил: – Стояла на кафедре уже до того, как поднялся Фокин.

– Вы в этом уверены?

– Уверен. Эти кадры будут зафиксированы на кассете, так что можете не сомневаться.

– Хорошо, – кивнул Бровкин. – Посмотрим... Что было дальше?

– Дальше Фокин начал говорить.

– И что он говорил, помните?

– Это тоже есть на кассете, и вы все увидите и услышите при ее просмотре, – произнес я, не очень понимая, зачем меня спрашивать о том, что можно более точно и подробно

узнать из видеоматериала.

– Я, конечно, все это посмотрю и послушаю, но в данный момент я спрашиваю у вас, поскольку вы собственными глазами видели происходящее и собственными ушами все слышали. Порой показания свидетелей, эмоционально окрашенные и с деталями, оказываются полезнее видео.

– Как скажете, – пожал я плечами.

– Так что успел сказать потерпевший? – спросил Бровкин.

– *Покойный* успел сказать следующее... – Я на несколько мгновений замолчал, припоминая текст речи Фокина, а потом выдал почти дословно: – Сначала он поздоровался с присутствующими. А потом сказал, что сейчас все услышат от него то, о чем еще долго будут говорить в коридорах и курилках. Услышат то, что заставит задуматься о работе и жизни, что шокирует и изменит восприятие окружающей действительности...

– Вот даже как! Что он имел в виду? – оживился Бровкин.

– Он сам скажет об этом чуть позже, – ответил я. – А скажет он то, что речь в его докладе пойдет о его экспериментальной лаборатории и о результатах ее деятельности...

– А вы знаете, чем занимается эта лаборатория? – пылливо посмотрел на меня капитан.

– Только в общих чертах, – ответил я. – Лаборатория доктора биологических наук Рудольфа Михайловича Фокина занималась воздействием электромагнитных лучей и магнитного поля на различные участки мозга, отвечающие за

разные функции человеческой деятельности. Судя по всему, Фокин и его группа были на грани мирового открытия. Либо они его уже совершили, и он собирался поведать об этом на конференции своим коллегам. Говорили, что он заткнул за пояс американцев и немцев...

– А кто говорил, не припомните?

– Просто люди из зала. Делать было нечего, сидел, слушал, – ответил я. – Я этих людей не знаю...

– Значит, вы пришли на эту конференцию за сенсацией? – с иронией спросил капитан.

– Именно так. Мы пришли за сенсацией.

– Что ж, вы ее получили, – уныло проговорил Бровкин, – только иного характера...

– Вы абсолютно правы, – согласился я. – Но кто мог подумать о таком?

– Хорошо. – Капитан снова что-то записал в протоколе и поднял на меня взгляд: – Фокин сказал, что будет говорить о своей лаборатории. И что произошло дальше?

– Дальше он замолчал. Было заметно, что профессор очень волнуется. Да еще и в зале было довольно душно. Он налил из стоящей на кафедре бутылки с минеральной водой половину стакана и выпил его содержимое одним глотком...

– Он что, не поморщился, не почувствовал специфического запаха? – спросил Бровкин.

– Нет, не поморщился, это точно. А насчет запаха – не знаю, может, и почувствовал, да не придал значения. Гово-

рю же вам, он очень сильно волновался, это, наверное, было заметно даже с последних рядов... Хотя это странно, обычно ученые привычны к разного рода выступлениям, а тут его буквально колотило!

– Дальше, – коротко сказал капитан Бровкин.

– Дальше он произнес последнюю фразу, что вся деятельность его экспериментальной лаборатории – это... И на этих словах запнулся. Больше Фокин ничего не сказал, сильно покраснел, потом в его глазах отразился ужас, и он упал на пол, содрогаясь в конвульсиях. А потом умер... Вот, собственно, и все...

– Ну а вы, девушка, кто? – перевел взгляд с меня на Ирину Бровкин. – И что *вы* здесь делаете?

– Я? – встрепенулась Ирина. – Я слушательница Школы молодого журналиста при нашем университете. – Она доверчиво улыбнулась капитану, на что тот ответил легкой улыбкой доброго, но еще не старого дядюшки. – У меня было задание сделать репортаж о конференции. Вот почему я здесь.

– Понятно, – кивнул Бровкин. – Тоже будете скоро охотиться за сенсациями?

– Нет, – ответила Ирина, честно посмотрев ему прямо в глаза. – Я буду охотиться за правдой...

– А что за ней охотиться? Разве она скрывается?

– Нет, сама она не скрывается. – Ирина еще минуту назад была сама непосредственность и вдруг сделалась неприступной и холодной: – *Ее* скрывают...

– Ого, как! Ясно, девушка, – сбросил с себя образ доброго дядюшки капитан Бровкин. – Ваше имя, место работы или учебы?

Ирина назвала. А когда Бровкин спросил, что она может показать «по этому делу», она ответила:

– А вы перепишите показания Аристарха Африканыча Русакова на отдельный листок, а я подпишу. Мы же видели с ним буквально одно и то же.

– И ничего нового к его показаниям вы добавить не можете? – покачал головой капитан. – По собственной практике я знаю, что женщины куда более наблюдательны, чем мужчины.

– Нет, это не мой случай, – ответила Ирина тоном продавщицы, отказавшейся разменять сто рублей на гривенники.

Я с любопытством посмотрел на нее – а девушка-то с характером.

Наконец свидетели были опрошены, протокол с места происшествия полностью составлен, труп Фокина покрыт невесть откуда взявшейся белоснежной простыней и унесен. Записав наши адреса, капитан Бровкин со своей немногословной командой отбыли, забрав у Степы компакт-кассету. На что мой оператор почему-то никак не среагировал...

– Вас куда-нибудь отвезти, Ирина? – спросил я девушку.

– Ну разве что пообедать в какой-нибудь хороший ресторан, – серьезно ответила она и, увидев в моих глазах некоторое замешательство, улыбнулась. – Не беспокойтесь, я шучу.

И везти меня никуда не надо. Мне тут недалеко.

– Ну а если все же такое желание возникнет – пообедать или поужинать вместе, как мне вас найти?

– Что, только пообедать или поужинать?

– Ну-у, может, и позавтракать, – прикинулся я эдаким простаком.

– Я не это имела в виду. – Она подошла ближе и заглянула мне в глаза. – Возможно, мне понадобится ваш совет или помощь...

– Тогда, если вам понадобится какой-либо совет или помощь, как мне вас найти?

– Позвоните мне... – Ирина продиктовала номер сотового, который я тотчас занес в свой список контактов мобильного телефона. После чего мы тепло распрощались и разошлись.

Не без обоюдного желания продолжить наше знакомство...

На работу мы прибыли опечаленными. Вернее, опечаленным из-за изъятия кассеты был только я. Степа, по своему обыкновению, был невозмутим, как гранитная ступенька мавзолея. А Сан Саныч, наш водитель, буквально источал оптимизм. Так что в скверном настроении пребывал единственно ваш покорный слуга...

– Что случилось? – заметил мое убитое состояние шеф.

– Ничего, – отвечал я бодреньким голоском и добавил,

чуть помедлив: – Если не считать того, что докладчик, сказав пару ничего не значащих, но многообещающих фраз, хлебнул заранее приготовленной для него водички с синильной кислотой и умер в страшных судорогах и с выражением ужаса на лице. Причем произошло это все буквально на наших глазах. Ну и если не считать того, что кассету с записью данного события у нас изъял некто капитан Бровкин, начавший следствие по факту убийства заведующего экспериментальной лабораторией отдела исследований мозга НИИ неврологии имени Божевникова, доктора биологических наук Рудольфа Михайловича Фокина.

– Как это – изъял? – недовольно посмотрел на меня шеф. – И что, ты ему так и отдал?

– А что мне еще оставалось делать? – ответил я. – Чтобы мне пришили статью за сопротивление полиции?

– И, стало быть, у нас теперь ничего нет? – прожег меня шеф суровым взглядом.

– Ничего, – кивнул я, – кроме наших со Степой воспоминаний.

– Не, – вдруг буркнул Степа.

– Что значит «не»? – встрепенулся шеф.

– Не изъяли. – Степа преданно посмотрел на него, потом перевел взгляд на меня, и я, не выдержав, уточнил:

– То есть?

Степа молча полез широкой пятерней в карман и извлек из него кассету.

– А что же в таком случае ты отдал капитану? – с нотками восхищения в голосе спросил я.

– Другую кассету, – коротко и просто ответил Степа.

– Давайте переводите изображение на комп, потом вместе посмотрим, что вы там наснимали. Не ровен час, полицейские нагрянут – отберут, – быстро сообразил, что надлежит сделать в первую очередь, шеф.

А я не отрывал взгляда от Степы. Ай да Степушка, ай да чей-то там растакой сын! Пока мы разговаривали с капитаном Бровкиным, он успел подменить кассету, вставив в камеру другую. Смекалистый малый! Быстро сообразил, что к чему. Молчуны, они такие. Молчат, но соображают зачастую быстрее тех, кто много болтает. И делают больше говорливых. А потом как выдадут по первое число! Степа, как былинный Илья Муромец, промолчавший и пролежавший на печи тридцать три года, пока его не подняли волхвы, призвавшие защищать святую Русь (в те времена Русь еще была святой), спас и передачу, и наш рабочий день, который уже не был бесплодным, и всю нашу новую затею. Нашу, это значит – телеканала «Авокадо». Поскольку шеф, только принявшийся отсматривать снятый нами материал, уже решил, глубокомысленно хмыкнув, что смонтированный и снабженный моими синхронами материал станет первой передачей его нового цикла под названием...

– А вот названия новой программы я пока не придумал, – заключил он. – Но одно знаю точно – это будет новое жур-

налистское расследование.

– И вы поручаете его мне? – догадался я, хотя и догадываться тут особо было нечего.

– Договорились, – кивнул шеф. – Заслужил!

– Может, не мудрствуя лукаво, назовем передачу «Кто убил Фокина?» – предложил я наугад. – Ничего придумал, а? По аналогии с программой «Кто убил Санина?» Привлеченный таким названием, а главное, словом «убил», народ плотными рядами бросится к диванам смотреть нашу передачу! Заинтересованность налицо, поскольку кого-то убили, а они – живы. Это бодрит и вселяет надежду, что ему-то, народу, еще удастся, о-го-го, как пожить!

– Зерно в твоих словах, конечно, есть, но надо придумать что-нибудь пооригинальнее, – не во всем согласился со мной шеф. Он вообще редко соглашался с предложениями своих сотрудников безоговорочно и с ходу, если они не звучали в унисон с его мыслями. Всегда держал интригу. А попасть в унисон с мыслями шефа было ох как трудненько...

– Тогда, может, так: «Смерть на конференции»? – снова предложил я.

– Неплохо... – раздумчиво произнес шеф. – Но это скорее название романа, а не передачи. Надо что-то вроде «Как победить зло». Ладно, я подумаю... Время еще есть, хотя и немного.

Не успели мы полностью просмотреть материал, как приехали полицейские. Вернее, один полицейский (и весьма сер-

дитый): безызвестный уже нам со Степой капитан Бровкин. Он прошел в приемную, устроился там за журнальным столиком, с интересом полистывая переодику в ожидании шефа, и не собирался уходить, пока не заполучит кассету. Шефу об этом доложила секретарша. После чего он нас покинул, а через минуту вызвал к себе меня и Степу.

– Будет небольшой разнос, – предупредил я своего оператора.

– Фигня... Мы народ закаленный, как-нибудь переживем, – коротко ответил Степа.

Мы вошли в кабинет шефа с видом людей, готовых по первому же распоряжению, а то и просьбе, кинуться в прорубь, войти в пылающую хату или забраться на пик Коммунизма, лишь бы добыть нужный видеоматериал. Рядом с шефом за столом сидел полицейский. Его хмурая физиономия ничего хорошего нам не сулила.

Степа неловко переминался с ноги на ногу, всем своим видом демонстрируя, что готов вскачь броситься исполнять приказание шефа, а я нетерпеливо переступал с одной ноги на другую, напоминая коня перед забегом, предчувствующего большую гонку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.